

**ПАМЯТИ
АКАДЕМИКА РАН АНДРЕЯ АНАТОЛЬЕВИЧА ЗАЛИЗНЯКА
(1935–2017)**

**ACADEMICIAN OF THE RAS ANDREY ANATOLYEVITCH ZALIZNYAK
(1935–2017)**

DOI: 10.31857/S241377150001115-9

Российская и мировая лингвистика понесли тяжёлую и невозполнимую утрату. 24 декабря 2017 года на 83-м году жизни скончался Андрей Анатольевич Зализняк, один из наиболее выдающихся учёных в истории языкознания. Имя его должно стоять в одном ряду с именами крупнейших лингвистов России: Ивана Бодуэна де Куртенэ, князя Николая Трубецкого и Романа Якобсона.

Смерть Андрея Анатольевича вызвала волну некрологов в Интернете (представительный сборник некрологов появился на сайте Института славяноведения РАН, где Андрей Анатольевич долгие годы работал: http://inslav.ru/sites/default/files/aaz_nekrologi.pdf), и, очевидно, теперь литература о нем будет только расти. Во всех этих текстах много сказано об основных его достижениях: алгоритмическом исчис-

лении русской морфологии и создании Грамматического словаря русского языка, описании грамматической системы древненовгородского диалекта, новом чтении и комментировании берестяных грамот и надписей, изложении принципов русского древнего и нового ударения, доказательстве подлинности “Слова о полку Игореве”, создании грамматики древнерусских энклитик, изобретении лингвистических задач, многочисленных этюдах в области русистики и типологии языков и многом другом.

Да, это, действительно, огромные результаты, не для одного, а минимум для полудюжины выдающихся лингвистов. Но главное, о чем хочется прежде всего сказать: ушла необыкновенная, гениальная личность. И то, каким человеком он был, тесно связано с тем, что и как он делал в науке.

Можно было бы сказать: “личность огромного масштаба”, и это, конечно, так. Но масштаб часто пугает и подавляет. В Зализняке не было никакой спеси или дистанции авторитета. Это был человек скромный и бескорыстный, открытый для любого, кто хотел поделиться с ним мыслью или задать вопрос – от коллеги-академика до школьника. Он не дорожил своим статусом, приоритетом или непогрешимостью – ему был важен только поиск научного факта, решение задачи, и напротив, всегда радовался, когда выяснялось, что предложенное им решение раньше (или позже, но независимо) нашел кто-то другой – тем ценнее был результат. Это классический критерий научной истины – воспроизводимость результата. Например, при расшифровке древних письменностей, если два исследователя, не общаясь друг с другом, читают одну и ту же клинописную табличку одинаково, то, скорее всего, результат верен. (Кстати, этот принцип успешно использовался и в новгородской экспедиции с чтением берестяных грамот.) С каким сдержанным восхищением Зализняк рассказывал слушателям, как академик А. А. Шахматов отменил публикацию своей работы об этимологическом распределении двух фонем “о” в говорах, когда независимо от него к тому же результату на материале рукописей пришел молодой Л.Л. Васильев! Более того, если кто-то исправлял его собственную ошибку или он сам ее находил, он не стеснялся говорить об этом широкой аудитории с едва ли не большим удовольствием и огнем в глазах. Как правило, это исправление вело не просто к локальному улучшению какого-то результата, а еще и к большей красоте и экономности: например, предлагавшаяся раньше, в условиях отсутствия очевидного решения, явная натяжка отпадала, и прежняя задача снималась сама собой, представ совершенно иначе, как колумбово яйцо...

Действительно, Зализняк постоянно ощущал красоту и экономность как достоинство науки. Предлагавшиеся им ответы на лингвистические вопросы (часто самим же им впервые и поставленные) всегда были на глубинном уровне очень просты, но объясняли очень сложные поверхностные закономерности. Таковы правила распределения букв *o*, *e* и *ъ*, *ь* в берестяных грамотах разных веков, таковы особенности древнерусского синтаксиса, правила русского ударения, образования различных современных словоформ, расстановки энклитик... Почитаемым образцом для него был Фердинанд де Соссюр, “на кончике пера” вычисливший индоевропейский ларингал, но А.А. Зализняк (по крайней мере, здесь) превзошел и Соссюра: ларингальную

теорию сейчас нередко оспаривают, а достижения Зализняка, перечисленные выше, простоят еще очень долго. Свои решения он формулировал так, что сразу не хотелось с ними спорить, да и неясно было, что в принципе им можно противопоставить, и оставалось лишь сказать: “теперь это просто очевидно”. Его тексты – выдающиеся образцы научной прозы: риторическая структура, с неизменным уважением к альтернативным объяснениям и противоположным точкам зрения, четкость терминологии и скупые, но заметные штрихи индивидуального стиля относятся к их важнейшим достоинствам. Но если кто-то и сможет внести в эти результаты убедительные кардинальные исправления, то это будет лучшим приношением памяти Зализняка, которому он был бы счастлив.

Красоту он ценил и вне лингвистических правил, – в жизни, в литературе. И к красоте, как у древних философов, добавлялось чувство добра, этика. Зализняк восторгался поэтикой древнерусских берестяных писем, сопереживал кроющейся за их лаконичными строчками жизни. Его книгу “Древненовгородский диалект” можно было при желании читать, как ни кощунственно это звучит, пропуская всю или почти всю лингвистику (признаюсь, школьником я так сначала и делал). Действительно, это еще и книга о живших почти тысячу лет назад людях и об их отношениях, о том, как эти люди хотят друг о друге “поразуметь” или “понаболеть” и боятся “задеть” друг друга, как они умеют выглядеть убедительными в делах более практических, например, требуя вернуть долг. И Зализняк не забывал делать на этом легчайшие, но заметные акценты. Еще ярче это звучало вживую, на лекциях о берестяных грамотах или на занятиях над древними текстами. Не только этическое, но и эстетическое его чувство, воспитанное на трудах Мартине или Якобсона, на “Повести временных лет” или “Махабхарате”, было глубоко (как он однажды сказал, до “боли под ложечкой”) оскорблено, когда он видел безграмотные псевдолингвистические рассуждения дилетантов или топорную подделку из искаженных слов, которую выдают за древний славянский эпос. Может быть, именно поэтому Зализняк, всю жизнь сторонившийся любой общественной деятельности и обладавший и без нее потрясающей внутренней свободой, тактичный и сдержанный, с такой неожиданной для знавших его страстностью стал выступать против агрессивной невежественной стихии любительской лингвистики, которая, казалось бы, была совершенно недостойным его противником.

Зализняк хотел, чтобы и другие были причастны его гению, а если точнее – той гениальности, которая уже содержится в языке и которую он только находит. Он показывал, как легко, казалось бы, приходят решения – его знаменитые лекции о берестяных грамотах, устраивавшиеся каждый год в МГУ на протяжении тридцатилетия, были именно таким приглашением поверить в свои силы. Его семинары по санскриту, древнеперсидскому, арабскому, другим языкам, а также по русской акцентологии, которые он вел в 1970-е годы и возобновил в 2000-е, тоже заставляли увидеть, как же на самом деле легко, вооружившись конспектом грамматических правил в несколько страниц, сразу читать сложные тексты и анализировать их, видеть связи и соотношения между древними языками. Легко – если тебя на этом пути ведет Зализняк, если он составил этот необычайно сжатый конспект и чуть-чуть, радуясь каждому твоему самостоятельному шажку, помогает... В том числе и поэтому его смерть вызвала такое горе и ощущение сиротства у всех лингвистов и ценителей его творчества: каждая новая его работа или лекция была не только выдающимся образцом научной мысли, но и источником счастья, стимулом для собственных открытий, источником интеллектуальной энергии, доказательством того, что лингвистика (и наука вообще) неиссякаема и жива.

Андрей Анатольевич Зализняк был лауреатом многих премий: Солженицынской, Демидовской, Государственной, Большой медали РАН, премии имени Шахматова. Он не раз говорил, что дороже всех почестей ему поиск истины – которым стало “немодно” заниматься. Поиском истины и решением задач он за-

нимался до последних дней. Смерть застала его скоропостижно, за работой над дополнениями к ранее изданным книгам, которые он кропотливо доводил до совершенства, зная, что этот процесс бесконечен и его скоро придется продолжать другим. И новым поколениям лингвистов надо продолжать работать над решением этих и других задач – быть таким, как Зализняк, невозможно, но можно и нужно разделять его идеалы и ценности, помнить, как он работал, и вдохновляться его неповторимым примером.

Д. В. Сичинава
Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
mitrius@gmail.com

*Дата поступления материала
в редакцию 3 февраля 2018 г.*

Dmitriy V. Sichinava,
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher at the V.V. Vinogradov Russian
Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka, 119019, Moscow, Russia
mitrius@gmail.com

Received by Editor on February 3, 2018